Юбилейная конференция

ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

130 лет организации психологического общества при Московском университете

В пяти томах

ТОМ 3

Ответственный редактор
Д.Б. Богоявленская

Москва
2015

УДК 159.9
ББК 88
О 80

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Ответственный редактор
Д.Б. Богоявленская

Члены редколлегии:
Акопов Г.В., Войскунский А.Е., Володарская Е.А., Захарова Е.И., Карпова Н.Л., Котлярова Л.Н., Лабунская В.А., Малых С.Б., Манухина С.Ю., Матвеева Л.В., Обухов А.С., Петрова Е.А., Смирнова Е.О., Тащева А.И.

О 80 ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Том 3 / Отв. ред. Богоявленская Д.Б.– М.: Когито-Центр, 2015.– 470 с.

ISBN 978-5-89353-459-7 (Том 3)
ISBN 978-5-89353-456-6

УДК 159.9
ББК 88

© Богоявленская Д.Б., 2015
© Московское психологическое общество, 2015

ISBN 978-5-89353-459-7 (Том 3)
ISBN 978-5-89353-456-6

ким образом, предмет из черного ящика изначально не информативен для ребенка, и потому его выбор сопряжен с опасностью проигрыша в выборе по отношению к известному привлекательному предмету в прозрачном ящике. Опасность выбора черного ящика возрастает при оглашении экспериментатором еще одного дополнения: в черном ящике может оказаться непривлекательная для ребенка игрушка, или ящик может быть пуст. При этом ребенок может испытывать целый спектр эмоциональных проявлений, в основе которых лежит различное количественное и качественное сочетание любопытства к неизвестному и страха проигрыша. Вопрос о том, какое из двух начал возьмет верх в момент окончательного выбора индивида, представляется нам крайне важным для изучения особенностей исследовательского поведения ребёнка в ситуации риска выбора между известным и неизвестным. Данная дилемма для ребенка дошкольного возраста сродни сложнейшему внутреннему выбору: либо ограничиться «синицей в руке», либо рискнуть и заполучить «журавля в небе».

С учетом изучения высокой неопределенности экспериментальной ситуации, представляется достаточно сложным продуцирование гипотез относительно познавательных стратегий, на основе которых дошкольники будут осуществлять свой выбор. Необходимо проверить ряд положений о том, насколько часто испытуемые с высокими показателями по уровню интеллекта будут чаще или реже других выбирать черный ящик с неизвестным предметом; существуют ли гендерные различия в выборе между известным и неизвестным предметом; отличаются ли познавательные стратегии девочек и мальчиков, либо каждый из детей демонстрирует собственные познавательные средства при осуществлении выбора независимо от пола. Эти и другие вопросы легли в основу разработки эмпирического исследования познавательных стратегий дошкольников в ситуациях активизации исследовательского поведения, результаты которого будут представлены в последующих публикациях.

Список литературы:

1. Поддъяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 240с.

Становление традиции дневниковых наблюдений за развитием личности ребенка в первые годы жизни

Обухов А.С., Москва

Formation of the tradition of diary observations on the development of personality of the child in the first years of life

Obukhov A.S., Moscow

Сейчас, в середине второго десятилетия XXI века, то, что дневниковые записи за развитием ребенка в первые годы — один из центральных способов познания сложного процесса развития личности, не требует доказательств. В отечественной возрастной психологии, психологии развития, психологии личности хорошо известен ряд дневников, ставших бесценным материалом для познания психического и личностного развития детей в первые годы их жизни.

Уже к середине XX века Н.А. Рыбников [6] делал исторический обзор становления дневниковых наблюдений как основного метода изучения развития ребенка. В его работе анализировались как зарубежные дневники (И. Тэн, 1876; Ч. Дарвин, 1877; В. Прейер, 1882), так и отечественные. Он отмечал, что уже в 1861 году А.С. Симонович опубликовал систематические наблюдения за речевым развитием ребенка от его рождения до 17 лет.

Однако, наблюдения разных авторов проводились с разными целями, поэтому их трудно сопоставлять друг с другом. К тому же, как правило, в первых дневниках отсутствовала единая техника наблюдений, и их интерпретация часто носила субъективный

характер. Например, нередко уже при регистрации описывали не сам факт, а отношение к нему, что стало обсуждаться отдельно при становлении традиции дневниковых наблюдений в естественнонаучной традиции.

В XX веке в основном в возрастной психологии были известны дневники матерей-психологов (В.Ф. Шмидт [9], Н.Н. Ладыгина-Котс [2], Н.А. Менчинская [3], В.С. Мухина [4] и др.), которые вели эти дневники, совмещая личностную позицию матери и профессиональную позицию психолога. В этом аспекте следует отметить, что, по сути, данная традиция исследований, так или иначе, формируется в русле естественно-научной линии развития психологии, в семьях ученых-естествоиспытателей. К примеру, Вера Федоровна Шмидт — психоаналитик и педолог, жена известного геофизика, академика О.Ю. Шмидта [5]; Надежда Николаевна Ладыгина-Котс — основоположник сравнительной психологии и жена известного биолога-эволюциониста, основателя Дарвинского музея А.Ф. Котса; Валерия Сергеевна Мухина — известный специалист по возрастной психологии и психологии личности, по базовому образованию биолог и начинала с зоопсихологических исследований как ученица Н.Н. Ладыгиной-Котс.

В свое время дневники-наблюдения В.Ф. Шмидт (ур. Яницкая) за развитием сына Владимира в первые шесть лет его жизни с 1920 по 1926 году, которые были известны только нескольким цитатам в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти» [8], мною впервые были опубликованы в журнале «Развитие личности» [9]. Позднее они были изданы коллегами из Ижевска отдельной книгой [10]. Остался неопубликованным еще большой массив записей, которые вели воспитатели детского дома-лаборатории при Государственном психоаналитическом институте за Владимиром Шмидтом.

В связи с тем, что я являюсь членом Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского при Президиуме РАН, мне посчастливилось выйти еще на один уникальный архивный материал — дневники наблюдения за развитием Георгия Вернадского. Эти записи вела Наталья Егоровна Вернадская (ур. Старицкая) во многом по инициативе и при участии своего мужа академика Владимира Ивановича Вернадского с 1887 по 1894 годы. Данные записи велись в момент зарождения и становления Московского психологического общества, членом которого был и В.И. Вернадский. Эта статья — фактически одно из первых развернутых упоминаний об этих дневниках, не считая описания архивных фондов В.И. Вернадского в Тамбовском архиве, подготовленного к 150-летию ученого [1].

Данные материалы находятся в Государственном архиве Тамбовской области: Дневник наблюдений за развитием сына Георгия Владимировича Вернадского (20 августа 1887 г. — 5 мая 1888 г.), Ф. 52. Оп. 1. Д. 2, на 239 л.; Записи В.И. Вернадского о развитии двигательного аппарата у ребенка (1890 г.), Ф. 52. Оп. 1. Д. 3, на 25 листах; Письма жены Натальи Егоровны с ежедневными наблюдениями за развитием сына Георгия (1888–1894 гг.), Ф. 52. Оп. 1. Д.24, на 1072 л.

Таким образом, систематические записи за развитием сына Георгия в семье Вернадских охватывают период с его дня рождения до семи лет. Этот период детства (то, что сейчас в возрастной периодизации охватывается периодами новорожденности, раннего развития и дошкольного детства) становится центральным для дневниковых наблюдений с XIX века. По всей видимости, это не случайно. Т.к. в более позднем возрасте ребенок обретает большую самостоятельность, входит в иные социальные институты развития и воспитания (школа) и перестает находиться в семье как основном пространстве, возможном для систематического наблюдения со стороны родителей (матери).

Мы сейчас начинам изучать и анализировать эти записи, которые, правда, написаны довольно сложно читаемым почерком. Представим вводные размышления В.И. Вернадского о сложностях дневниковых наблюдений за развитием ребенка как научного методы познания:

«21 августа 1887.

Вчера в 10 ч. 45 родился сын, которого хотим назвать Георгием.

Здесь я хочу заносить изо дня в день те наблюдения, какие мне удастся над ним сделать, те мысли, которые эти наблюдения возбудят во мне.

Главная цель ведения таких дневников — кроме чисто научной цели — уяснения ряда наблюдений и опытов — значимых для психологии, анатомии и т.п., получение практически нужных данных, которые позволят воспитать лучше, лучше и полнее узнать моего ребенка.

Я думаю, что научные данные здесь могут и будут играть только второстепенную роль, п.[отому] ч.[то] мной умножится и возможность поставить опыты так, как того требует научное обобщение.

А представляется крайне сомнительным, чтобы дурно наблюдаемое, или наблюдение сделанное не вполне обдуманно, имеет значение в науке. Очень часто это источник ошибок, тем более опасный, что у наблюдателя нет сознания ошибочности своих опытов.

Сравнивая все опыты или наблюдения, которые делаются сейчас в науке, где опыт и наблюдение давнишнее средство с опытами и наблюдениями в тех науках, где этот метод стал применяться недавно — невольно удивляешься. С одной стороны видишь строго критическое, недоверчивое отношение к наблюдаемому факту, с другой в высшей степени доверчивое, теплое к нему отношение. [...]

Причина этому только отчасти большая близость к нам объектов науки, занимающейся психическими явлениями — причина заключается в сильной степени и в самих экспериментаторах, по большей части или людях, опытов и наблюдений не делавших, или слишком горячо относящихся к объекту наблюдения...

В науках, уже установившихся, вывод делается после многочисленной проверки явления и само явление устанавливается путями многообразными; толкование строго отделяется от самого факта. Здесь же факт и толкование точно переплетаются, неразрывно связаны.

Прежде чем факт установится, надо было и много трудиться над практическим владением самим методом и это самая трудная часть работы, где все дело в практике.

Ничего подобного не видим мы в науке о развитии детей — здесь мы присутствуем лицом к лицу с методами, не выработанными, опытами научным образом не установленными. Никакого подготовительного учения строгим обобщениям, критической оценки работы — ученью строго наблюдать явление экспериментатор не подвергается.

Далеко не всякий может делать научные наблюдения. Для этого нужна хорошая школа, подготовка, особая способность.

И в науках, занимающихся далекими от нас областями необходимо или чтобы 1) личность экспериментатора скрывалась, удалялась, или 2) чтобы ошибки в наблюдениях, зависящих от свойств экспериментатора, поддавались вычислению. Опыт устанавливается так, чтобы и они подвергаются наблюдению и вычислению («личная» ошибка в астрономии, физике, кристаллографии и т.п.).

Здесь личность экспериментатора играет еще бо́льшую роль, чем в этих отвлеченных отраслях знания, и здесь каждый наблюдаемый факт носит сильный и ясный след психического состояния наблюдающей личности. Эта составная часть наблюдаемого факта у разных лиц различна и иная в разное время — а это сильно мешает как 1) сравнению наблюдений, сделанных разными наблюдателями (тот же факт встречаем в некоторых частных случаях метеорологии, ++++ — где личная ошибка слишком видима и различна) и 2) сравнению наблюдений, сделанных одним и тем же лицом в разное время.

Обыкновенно только часть таких ошибок, происходящих от разных способностей психических, нервозности, воображения может быть исключена наблюдателем при его анализе; другая, по-видимому, находится вне его сознания. По-видимому, и та, и другая часть у разных людей различная. Хорошим экспериментатором может быть однако и тот и другой человек, только если он избавится от этой чисто временно-субъективной части наблюдаемого явления.

Поэтому абсолютно необходимо, чтоб при сообщении чувственного факта, сообщался наблюдателем возможный ясный анализ своего душевного состояния и чтобы принимались меры и против бессознательной части своей личной ошибки.

А против нее есть несколько средств: повторение опытов над разными детьми в разное время — накопление одних и тех же наблюдений над одним и тем же ребенком в разное время, при внешних возможно-неизменных условиях.

Оставляя на время дальнейший анализ, я заключу, что [1]) не буду толковать наблюдаемый факт, не буду сразу давать ему объяснение и 2) постараюсь насколько возможно давать анализ своего душевного состояния при наблюдении явления» [ГАТО, Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. Л. 50 — 52 об.].

Такой большой отрывок из рукописи В.И. Вернадского приведен здесь не случайно. По сути, в нем обсуждаются ключевые вопросы методологии использования дневниковых записей как материала для научной психологии.

Целевая установка ведения дневников, которую для себя и для своей жены задает В.И. Вернадский, безусловно, перекликается здесь с идеей педагогической антропологии, которую в те же годы сформулировал К.Д. Ушинский. Эта фраза стала одной из самых известных позиций в русле антропологического подхода в образовании: «Если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [7, с. 23]. Но здесь возникает ключевой вопрос — а как познать человека во всех отношениях, в его развитии? Ведь сумма знаний, выявленных в объективированных исследованиях за отдельными проявлениями человека, не дают целостного знания о человеке. Именно в этом контексте начинает активно становится традиция дневниковых записей как способа фиксации наблюдений за развитием ребенка. Естественно, что полноценное наблюдение могли вести только родители, в основном матери.

Ход вводных размышлений В.И. Вернадского — пример поиска науки второй половины XIX века — становление объективации психологических исследований. При этом предлагается интересных ход: фиксация одновременно наблюдаемых проявлений ребенка и субъективных состояний самого наблюдателя.

Становление и развитие традиции дневниковых записей за развитие ребенка в психологии, пожалуй, велось во многом с учетом этих замечаний, к которым проходили авторы дневников каждый раз почти самостоятельно. С развитием психологии, помимо субъективных переживаний и эмоциональных состояний автора дневника, стали выраженно оказывать влияние теоретические и концептуальные установки исследователя. Так, например, в дневниках В.Ф. Шмидт, которая работала в русле психоаналитических установок, это сильно прослеживается в тексте дневников: через выделяемые параметры наблюдения, в смысловых акцентах внимания при описаниях тех или иных проявлений и, естественно, в интерпретациях.

Информация фиксируется почти каждый день по заданным параметрам, определенным шаблонам. Впрочем, параметры гибко меняются автором на разных стадиях онтогенеза. В периодическом подведении итогов наблюдений отмечаются психические новообразования, особенности физического, двигательного, эмоционального, речевого и сексуального развития.

Вначале в центре внимания — сон, движение, зрение, слух, сосание (кормление). По мере развития фиксируются признаки «взросления»: улыбка, эмоции, разговор, узнавание, внимание и т.д. В конце каждого месяца подводятся итоги: отмечаются психические новообразования, особенности в развитии (физическом, двигательном, сексуальном).

По характеру описания дневник представляет попытку отстраненного наблюдения исследователя за развитием ребенка. Мать и отец упоминаются исключительно только в тех случаях, когда речь идет о реагировании на них младенца. Дневник ведется от первого лица, но при этом превалирует не личностное отношение автора (матери) к

своему сыну, а процессуальные моменты. Характерная черта этого дневника — пристальное, детальное внимание к малейшим изменениям в физическом развитии, двигательной сфере, реагировании на внешний мир и т.д.

Слов, выражающих эмоции, довольно мало: отсутствуют эпитеты, выражение восхищения, умилительные комментарии и т.д. Однако пристальное внимание ко всем деталям поведения и стремление их осмыслить показывают глубокую эмоциональную погруженность матери в процесс воспитания.

Наиболее ярко психоаналитические взгляды В.Ф. Шмидт проявляются в рассмотрении сексуального развития ребенка: в поиске проявлений сексуальности на каждом возрастном этапе, начиная с младенчества (сексуальность при этом явно трактуется именно с позиций психоанализа), в наиболее подробной фиксации взгляда наблюдателя на интерес мальчика к вопросам пола и т.п.

В дневниках Н.Н. Ладыгиной-Котс и В.С. Мухиной — более выражена этологическая линия наблюдений. Фиксируемое в дневнике Н.Н. Ладыгиной-Котс при наблюдении за своим сыном во многом определялось ее предшествующим зоопсихологическим опытом наблюдения за детенышем шимпанзе. Сами дневники не были опубликованы, их записи только использовались в ее основополагающем для сравнительной психологии труде «Дитя шимпанзе и дитя человека» [2]. Это, безусловно, усиливало линию объективированного наблюдения в ее дневниках. Дневники В.С. Мухиной, также изначально ориентированной на метод этологического наблюдения, представляют собой тонкие наблюдения объективированного плана. И уже на основе их обработки, анализа, выделения ключевых категорий, проявлений — формируется терминология психологической концепции, которая имеет рефлексивную природу.

Во многих других дневниках матерей, особенно начавших широко бытовать уже не только в среде психологов, можно увидеть скорее фиксацию своих переживаний, эмоций, субъективных интерпретаций проявлений ребенка, чем объективированные наблюдения.

По сути, достаточно небольшое число дневников наблюдения за развитием ребенка можно рассматривать как полноценный материал для объективированного онтогенетического исследования. И лучшие образцы таких дневников написаны авторами, связанными с естественнонаучной парадигмой. В ближайшее время мы будем стараться ввести в научных оборот записи наблюдений за развитием сына Георгия в семье В.И. и Н.Е. Вернадских. Безусловно, публикация этих текстов расширит перечень такого рода источников для психологического знания о развитии ребенка на ранних этапах онтогенеза. Они также имеют ценность как исторический документ биографического характера, а также с точки зрения становления естественнонаучной традиции в русле описательной (а не объяснительной) психологии.

Список литературы:

1. Владимир Иванович Вернадский в Тамбовском крае. 1848–1918 гг. Обзор фондов и документов Государственного архива Тамбовской области. — Тамбов, 2013.
2. Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. В 2-х тт. — М.: Издание Государственного Дарвинского музея, 1935.
3. Менчинская Н.А. Развитие психики ребенка: дневник матери. — М.: АПН РСФСР, 1957.
4. Мухина В.С. Таинство детства. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
5. Обухов А.С. Вера Федоровна Шмидт — автор «Дневника матери» (биографическая справка) // Развитие личности. — 2002. — №3. — С. 190–193.
6. Рыбников Н.А. Детские дневники как материал по детской психологии. — М., 1946.
7. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 8.- М.; Л.: АПН РСФСР, 1950.
8. Чуковский К.И. От двух до пяти. — М.: Детская литература, 1968.

9. Шмидт В.Ф. Дневник матери (1920–1926) // Развитие личности. — 2002. — №3. — С. 194–214.; №4.- С. 174–183; — 2003. — №1. — С. 229–240; №2. — С. 156–170; №3. — С. 195–210; №4. — С. 211–216.
10. Шмидт В.Ф. Психоаналитические и педагогические труды. — Т. 1: Дневник матери: первый год жизни; Т. 2: Дневник матери: второй и третий годы жизни. — Ижевск: ERGO, 2009.

Исследование личностных особенностей с позиции резонирующего архетипа интонирования

Торопова А.В., Москва

The study of personality characteristics from the perspective of the resonating intonation archetype

Toropova A.V., Moscow

Индивидуальные свойства и особенности личности, ее содержательные и формально-динамические характеристики рассматриваются в науке с разных методологических позиций, среди которых присутствует и взгляд сквозь призму этнических и личностных архетипов. Понятие «архетип» по-разному «звучало» в философии и психологии [2, 3], его диапазон может вмещать в себя и интонационные первообразы человечества. Именно к архетипам интонирования было обращено наше исследовательское внимание [1].

Архетипическая организация психического опыта происходит в онтогенезе с первых мгновений жизни человека, создавая процессуальные паттерны реагирования и поведения. Архетипические паттерны окрашиваются индивидуальным уникальным опытом, который остается с человеком в течение жизни в виде индивидуальных *особенностей личности и ее индивидуального стиля интонирования (ИСИ)*. Эти акцентированные процессуальные паттерны являют собой архетипы интонирования, проявляющиеся в видимом и слышимом интонировании личности, и резонируют при восприятии интонационных образов в музыке, речи, пластике.

Семантическими оппозициями процессуальных архетипов (архетипов интонирования) являются, на мой взгляд, интенсификация напряжения — угасание напряжения, структурированность и периодичность — размытость и непериодичность микрофаз, уравновешенность — неуравновешенность (симметричность процесса — несимметричность его во времени). Эти признаки системной *универсальной грамматики процессов* были воплощены в авторской *системе архетипов интонирования*, включившей в себя 5+1 (6) основных типов, обозначенных греческими буквами — альфа, бета, гамма, тета, эпсилон и омега [1, с. 96–97].

Выделенные интонационные паттерны есть первичная матрица для категоризации биологического (физиологических ощущений) и психического опыта (переживаний) в выразительных формах (процессуальных схемах), что позволяет отнести этот феномен к предтечам музыкально-языкового сознания.

Исследование автора состояло из нескольких этапов и решало ряд задач: апробация методики применения музыкально-проективного теста архетипической перцепции; сбор вербальных кластеров ассоциаций слушателей (музыкантов), соответствующих определенным архетипам интонирования; выявление методом частотного анализа фокуса архетипической перцепции испытуемых при восприятии музыки (дважды предъявленный ряд стимулов в разном порядке с промежутком в 3 месяца для проверки воспроизводимости индивидуальных особенностей архетипической перцепции); сопоставление полученных данных теста архетипической перцепции с данными 16-факторного личностного опросника Кеттелла, а также с самооцениванием стиля интонирования испытуемых и с его оценкой педагогами по специальности.